

М. В. Скржинская

РАЗВИТИЕ ИСТОРИОГРАФИИ В БОСПОРСКОМ ЦАРСТВЕ

В статье выявлены сюжеты сочинений нескольких боспорских историков, исследованы их устные и письменные источники. Хорошо образованные граждане из состоятельных семей, а не придворные историографы писали исторические труды о политической и военной истории Боспора V-IV вв. до н.э.

Ключевые слова: письменные источники, боспорские правители, историческая хроника.

В исследованиях об античном Боспоре ученые неоднократно писали о существовании местных историков. Их труды безвозвратно утрачены, но они послужили основой сведений о Боспорском царстве в «Исторической библиотеке» Диодора Сицилийского, в «Географии» Страбона и «Стратегемах» Полиэна. Наиболее обстоятельно эту тему исследовали М.И. Ростовцев и В.В. Струве. Первый [Ростовцев, 1915, 1925] еще в начале прошлого века выделил известия о Боспоре из уцелевшей античной литературы; он подробно исследовал достоверность их содержания и наметил пути, по которым те или иные сведения попали к упомянутым писателям, жившим на несколько столетий позже описанных ими событий. В.В. Струве посвятил этому вопросу специальную статью [Струве, 1968]. Как и Ростовцев, он полагал, что каждый интересующий нас античный автор пользовался каким-то одним крупным трудом по истории Эллады, включавшим главу о Боспоре; она же была написана на основе обобщающего сочинения местного писателя, названного Струве древнейшим историком СССР. Вероятно, та-

кое произведение боспорянина использовал Дурис в своем труде о греческой истории, на которую ссылаются многие античные авторы [Ростовцев, 1925, с. 126; Струве, 1968, с. 182-183; Яйленко, 1990, с. 284-286]. Этот историк жил на рубеже IV-III вв. до н.э.; он был гражданином Самоса и учился в Афинах у Феофраста. Археологические находки показывают, что во времена Дуриса Боспор поддерживал тесные связи с обоими упомянутыми центрами Эллады, так что интерес этого историка к Боспорскому царству был вполне оправдан.

Цель же нашего исследования состоит в том, чтобы определить, какие источники взял боспорянин для описания значительного отрезка истории своей родины; кроме того мы попытаемся узнать, кто занимался написанием исторических трудов на Боспоре Киммерийском, а также выявить сферу интересов местных историков и особенности изложения ими тех или иных событий.

В Греции древнейшие прозаические сочинения о прошлом своего отечества писали ионийцы, которых сейчас называют логографами. Первым среди них считался Кадм Милетский, а самым известным логографом стал так же милетянин Гекатей, живший на рубеже VI-V вв. до н.э. Поэтому можно с достаточной долей уверенности утверждать, что в крупных милетских колониях Северного Причерноморья, в частности на Боспоре, на основе исторической традиции метрополии возникла собственная историография. Это мнение можно подтвердить также тем, что почти в каждом греческом государстве уже в V в. до н.э. существовали местные историки,

описывавшие прошлое своей страны [Фролов, 1981, с. 92-100].

В научной литературе прочно утвердилось мнение о том, что боспорская историческая хроника лежит в основе древнейших в античной литературе сведений о боспорских правителях. Диодор Сицилийский (Bibl. XII, 31, 1) записал, что при афинском архонте Феодоре, то есть в 480 г. до н.э., завершилось правление Археонактидов, продолжавшееся в течение 42 лет; на смену им пришел Спарток, основатель династии, правившей Боспором до конца II в. до н.э. Таким образом, нам известно, что в Пантикапее в начале V в. до н.э. велись хронологические записи, но из-за отсутствия иных свидетельств нельзя сказать, подробно ли они освещали деятельность правителей, либо только фиксировали даты или какие-то отдельные важные факты. Можно высказать осторожное предположение, что первые хронологические записи принадлежали жрецам главного боспорского храма Аполлона Врача в Пантикапее. Ведь в его метрополии уже в VI в. до н.э. при храме верховного бога милетского пантеона Аполлона Дельфиния составлялись списки жрецов-эпонимов [Биккерман, 1975, с. 64]. Кроме того известно, что во многих греческих полисах с древнейших времен велись списки жрецов и других выборных магистратов; в эти хроники вносили заметки о разных выдающихся событиях, и ими постоянно пользовались античные историки [Фролов, 1981, с. 91-92].

Определенно о существовании исторических трудов на Боспоре можно говорить с рубежа V-IV вв. до н.э. Античные писатели заимствовали из этих сочинений некоторые эпизоды времени царствования Сатира I, сына Спартока, причем разногласия в этих сообщениях указывают, что его правление описывалось более или менее подробно, по крайней мере, двумя разными писателями. Один из них повествовал о войнах Боспора с Феодосией, во время которых умер Сатир. Другой использовал фольклорные рассказы, бытовавшие среди боспорян уже после смерти этого царя в 389 г. до н.э. Он пересказал устную историческую новеллу о царице Тиргатао которая сейчас известна в изложении Полиэна (Polyaen. VIII, 55),

Тиргатао принадлежала к меотскому знатному роду и была выдана замуж за синдского царя Гекатея, чьи земли граничили с азиатской частью Боспора. Когда Гекатей лишился престола, Сатир помог ему вернуть власть и взамен потребовал жениться на его дочери, а Тиргатао умертвить. Гекатей не решился убить жену, но заточил ее в крепость. Тиргатао удалось бежать и добраться на родину. Там она вышла замуж за царя иксаматов; после чего склонила к войне местные

племена, которые под ее руководством стали опустошать владения Гекатея и Сатира. Они оба были вынуждены просить мира, а Сатиру пришлось дать в заложники своего сына. Коварный боспорский царь подослал убийцу к Тиргатао, но покушение не удалось. Тогда царица умертвила заложника и возобновила войну «подвергая страну всем ужасам грабежа и резни». Сатир умер от отчаяния, позже его наследнику удалось заключить мир, принеся Тиргатао богатейшие дары.

Содержание новеллы записано у Полиэна достаточно подробно. Бросается в глаза характерное для фольклора контрастное противопоставление действий отважной героини и ее коварного противника, по заслугам получившего страшное наказание разорением его царства и умершего от отчаяния. Тиргатао названа в начале рассказа меотянкой, так греки называли племена, жившие в окрестностях Азовского моря (Меотиды). Точнее национальная принадлежность царицы обозначена позже, когда сказано, что она бежала на родину и там стала женой местного царя иксаматов. Это сарматское племя упоминается близ Синдики уже на рубеже VI-V вв. до н.э. у Гекатея Милетского (фр. 216), а позже у других авторов (Ps. Scymn. 878; Mela, I, 114; Steph. Byz s. v.; Valer. Flacc. Argon VI, 146) около устья Дона и на восточном берегу Меотиды.

Новелла появилась в кругах боспорян, осуждавших неудачные политические и военные действия Сатира. Его вмешательство в борьбу за власть в Синдике на стороне царя Гекатея привело к войнам Боспора с местными племенами, к тяжелым поражениям боспорян, разорению их земли и необходимости выплачивать дань в виде богатых даров. Имена героев новеллы, названия местных племен и реальные географические ориентиры явно указывают на хорошее знание рассказчика пограничных с Боспором областей, а упоминание о конце царствования Сатира позволяет датировать возникновение новеллы о Тиргатао первой четвертью IV в. до н.э. Современные ученые используют ряд фактов из этого рассказа для реконструкции истории Боспора на рубеже V-IV вв. до н.э. [Шелов-Коведяев, 1985, с. 128-130].

Новелла сложилась, конечно, на Боспоре, так как этот жанр фольклора возникает у всех народов, когда у них сформировался государственный строй, которого не было у соседей эллинов античных государств Северного Причерноморья. Яркий пример такого рода представляет сообщение Геродота об его удивлении, что скифы ничего не помнят о жизни члена царской семьи Анахарсиса, а местные греки, создавшие государство в Нижнем Побужье, рассказали историку свою историческую новеллу о смерти скифа, случившейся

почти на столетие раньше посещения Геродотом Ольвии в середине V в. до н.э.

Следует согласиться с М.И. Ростовцевым [Ростовцев, 1925, с. 131], что рассказ стилистически обработан писателем эллинистического времени, для которого царица Тиргатао ассоциировалась отважными амазонками, по преданию, обитавшими в степях Северного Причерноморья. Полиэн, конечно, не читал записи боспорских историков, он заимствовал новеллу у автора, который составил сборник рассказов о мужественных женщинах, противостоящих мужчинам. К его творчеству при передаче новеллы следует отнести упоминание о том, что Тиргатао «часто писала письма» Сатиру, спрашивая о боспорянах, просивших ее защиты. В реальности она вряд ли знала греческий язык, а тем более могла на нем писать; ведь в те времена даже большинство гречанок были неграмотными, а на родном языке Тиргатао не существовало письменности. Переговоры с варварами обычно велись устно через послов и переводчиков. Однако, в представлении человека, не знавшего подробностей быта степных народов, царица, подобно женщинам из состоятельных греческих семей эллинистического времени, должна быть грамотной.

Устная новелла, несомненно, появилась в кругах боспорян, враждебных царю, и была записана одним из его недоброжелателей. Более достоверными считаются основанные на другом боспорском источнике записи о смерти Сатира при осаде Феодосии, о чем сказано в словаре Гарпократиона под словом Феодосия и в схолиях Ульпиана к речи Демосфена «Против Лептина» (XX, 33). Обе версии можно примирить, если войны Сатира с варварами и поход на Феодосию состоялись одновременно, а кончина царя в окрестностях Феодосии случилась после полученных им сведений о вторжении варварских отрядов на территорию Боспора и о смерти его сына Метродора, отданного в заложники Тиргатао [Шелов-Коведяев, 1985, с. 119].

Новелла о Тиргатао относится к древнейшему эпизоду из рассказов Полиэна, касающихся истории Боспора. Другие главы «Стратегем», восходящие к сочинениям боспорских историков, повествуют о хитроумных поступках потомков Сатира, царей Левкона I (389-349 гг. до н.э.) и Перисада I (349-311 гг. до н.э.).

Благодаря активным связям Боспорского царства со многими центрами Эллады деятельность царей этого региона вызывала интерес у греческих писателей. Известно, например, что хвалебное сочинение о Левконе знал философ Хрисипп, один из основателей школы стоиков в Афинах в III в. до н.э. Дион Хрисостом в речи «О царской власти» (II, 77) упомянул, что Хрисипп назвал Левко-

на в числе мужественных и добродетельных царей, которым Зевс даровал долгую жизнь. Действительно Левкон правил Боспором 40 лет и умер в преклонном возрасте. Плутарх в двадцатой главе трактата «О противоречиях стоиков» также со ссылкой на Хрисиппа называет Левкона мудрецом, «охотно принявшим царскую власть». Страбон (VII, 3, 8) кратко упомянул о том, что Хрисипп писал о Левконе и его преемниках. Вероятно, положительная характеристика боспорских царей у Хрисиппа и соответственно у его боспорского источника послужила основанием для того, чтобы Страбон (VII, 4, 4) назвал Перисада и Левкона достойными правителями. Видимо, следуя сложившейся письменной традиции, он не включил в этот ряд упомянутого им Сатира, так как о нем боспоряне вспоминали не только одобрительно, как видно из новеллы о Тиргатао.

Полиэн (VI, 9; VII, 37) для своего произведения о военных хитростях выписал из разных сочинений подходящие к его теме эпизоды, в частности рассказы о Левконе и Перисаде, которые в трудных ситуациях находили неординарные решения. Таков рассказ об использовании Перисадом трех видов одежды. Царь выстраивал войско в ярком парадном костюме, надевал простое одеяние во время сражений, чтобы его не замечали неприятели; если же приходилось бежать, то он одевался так, чтобы его не могли узнать ни свои, ни враги. (Polyaen. VII, 37). Наверное, в боспорском оригинале подробно описывалось появление царя в роскошном убранстве перед строем войска, к которому он обращался с речью перед военными действиями; когда же Перисад сам шел в бой, он не хотел выделяться своим нарядом, привлекавшим внимание врагов. За пределами внимания Полиэна остались обстоятельства, когда царь вынужден был бежать и скрываться не только от врагов, но и от соотечественников, по каковой причине он переодевался в несвойственную царю одежду. Однако описания боспорских войн оказались лишними для целей сочинения Полиэна.

Сказанное относится и к другим его сообщениям о Боспоре. Писатель рассказал о денежной реформе, в результате которой Левкон получил нужные ему средства, но не о причинах обеднения государственной казны, из-за чего Левкон решил на такой шаг. Сообщая о хитрости этого царя при выявлении и наказании тех, кто задумал свергнуть его с престола, Полиэн не пишет о сути заговора, не говоря уж о конкретных именах заговорщиков, о чем, по всей вероятности, упоминал боспорский автор. В «Стратегемах» описаны хитроумные действия Левкона во время войны (или нескольких войн) с Гераклеей (VI, 3, 4), но не сказано о причинах и ходе этих войн,

как было в оригинале боспорского историка. У Полиэна отсутствует датировка событий, поэтому не ясно, идет ли речь о Левконе Первом или Втором. Большинство исследователей считают героя Полиэна Левконом I [Сапрыкин, 1986, с. 71-74]. Соответственно лежащий в основе боспорский источник, включавший непосредственные наблюдения деятельности царя, следует датировать IV в. до н.э.

Новелла о Тиргатае оказалась единственным сохранившимся образцом подобного жанра фольклора на Боспоре. Сообщения Полиэна о хитроумных поступках царей Левкона и Перисада не несут никаких признаков устного рассказа. Эти сведения восходят к хвалебным сочинениям о царях и записаны их современниками, писавшими по собственным впечатлениям. Поэтому не правы исследователи, называющие новеллами все рассказы Полиэна о Боспоре [Шелов-Коведяев, 1985, с. 121; Русяева, Супруненко, 2005, с. 74-76].

В своих героях греки ценили не только отвагу и силу, но также смекалку, с помощью которой они побеждали противника. Достаточно напомнить популярного в античности персонажа обширного троянского цикла мифов Одиссея с его постоянным эпитетом хитроумный. Поэтому не случайно в хвалебных сочинениях о боспорских царях авторы рассказывали об их хитроумных уловках в борьбе с внутренними и внешними врагами, а Полиэн имел возможность найти подобные примеры в боспорской истории и включить их в ряд подобных деяний героев из разных частей греческой ойкумены.

Сочинения боспорских историков лежат в основе сведений Диодора Сицилийского о правлении царей династии Спартокидов. Эти известия четко разделяются на две различные по характеру части. С одной стороны, это подробный рассказ о борьбе за власть сыновей Перисада, о победе младшего из них Евмела, о его царствовании и гибели. С другой стороны, в разные главы, датированные годами правления афинских архонтов эпонимов, наряду с прочими событиями включены краткие упоминания о смерти боспорских царей, начиная со Спартока, основателя династии Спартокидов, о количестве лет их царствования и об их наследниках. Таким образом, сохранились бесценные данные о сроках правления царей Спартока I (XII; 31,1; 36,1), Сатира I, Левкона I (XIV, 93, 1), Спартока II, Перисада I (XVI, 36, 1), Евмела и Спартока III (XVII, 100, 7). Кроме того сказано, что первый Спарток пришел к власти после сорокадвухлетнего правления династии Археонактидов. Видимо в основе сведений Диодора лежит боспорская хроника, в которой перечислялись местные правители от времени образования Боспорского царства при Археонактидах в первой

половине V в. до н.э. и до конца царствования Спартока III, то есть 284/283 г. до н.э. Возможно, в утраченных заключительных главах «Исторической библиотеки» упоминались даты правления следующих Спартокидов.

Важно напомнить, что в боспорских эпиграфических памятниках классического и эллинистического периодов встречаются упоминания, при каких царях сделаны эти надписи (КБН. 6-11, 76, 77 и др.), но нет более точных указаний определенного года, как в более поздних сохранившихся документах (КБН. 39, 42, 43, 45, 47; 69, 70 и др.). До сих пор, насколько я знаю, ученые не заметили, что записи Диодора о годах вступления на престол и смерти боспорских царей являются сейчас единственным свидетельством о том, что боспоряне издавна точно определяли по годам события своей истории. Как и в других греческих государствах, каждый год носил имя эпонима, и им, скорее всего, по традиции метрополии, был жрец главного храма Аполлона в Пантикапее. Так было, например, в Ольвии [Карышковский, 1978, с. 82-88], которую, как и Пантикапей, основали милетяне.

Обширный рассказ Диодора (XX, 22-24) о борьбе за власть сыновей Перисада, о царствовании и смерти Евмела, а также о предсказаниях оракулов Евмелу и его брату Сатиру восходят к произведениям совсем иного рода. Этот небольшой по времени период боспорской истории освещен весьма неравномерно, что, на мой взгляд, указывает на несколько источников и на их разный характер.

Соратник Сатира II написал сочинение о его непродолжительном царствовании, сопровождавшемся боями с войсками Евмела, который претендовал на боспорский трон и в результате его получил. Подробный рассказ о сражениях, об укрепленном замке, где укрывался Евмел, и об его осаде Сатиром, а также о местности, где происходили битвы, дает основание думать, что это сочинение принадлежит участнику событий. Он также описал похороны царя, гибель его брата Притана, а в заключение дал уничтожающую характеристику жестокости Евмела, умертвившего всех родственников и друзей своих братьев. Публикации подобных воспоминаний об участии в исторических событиях были не редкостью уже в начале эллинистического периода.

Возможно, образцом для труда боспорянина послужил изданный несколькими десятилетиями ранее «Анабасис» Ксенофонта. Ведь это сочинение высоко ценилось в древности; там также очевидец рассказывал о военных действиях и смерти в бою одного из братьев, ставших врагами из-за борьбы за власть. Автор входил в число греческих наемников, сражавшихся против царя Артаксеркса на стороне его брата Кира Младшего, претендо-

вавшего на персидский престол. Ксенофонт рассказал о гибели Кира в 401 г. до н.э. и о вынужденном длительном отступлении греков из окрестностей Вавилона к южному побережью Черного моря. Писатель опубликовал «Анабасис» в ответ на вызвавшие его несогласие воспоминания об этом походе Софайнета, уроженца Аркадии, который был коллегой Ксенофонта в походе греческого войска. Это показывает, что сочинения о военных и политических событиях писали их участники в разных греческих государствах.

Войны Евмела с братьями проходили на азиатской стороне Боспора в 310-309 гг. до н.э. Сатир командовал регулярным боспорским войском, состоявшим из 2000 греческих наемников и 2000 фракийцев, вместе с союзническим войском скифов, в которое входили 20000 пехотинцев и 10000 всадников. Евмел же опирался на войско племени фатеев, предоставленное их царем Арифарном; оно состояло из 20000 пехотинцев и 10000 всадников. Эти круглые крупные цифры вряд ли отвечают действительности, наверное, они преувеличены, как было часто и в других греческих рассказах о разных войнах. Однако, национальный состав воюющих сторон дает хорошее представление о том, что цари набирали армию из дружественных им варваров и греческих наемников, а также о том, как происходили битвы. Вожди становились в центре боевого строя войска и вместе со своим окружением вступали в непосредственную схватку с неприятелем. Так начали воевать Арифарн и Сатир, но последний покинул эту позицию, когда узнал, что наемники не выдержали натиска отряда под командованием Евмела и обратились в бегство. Все же Сатиру удалось победить, вероятно, благодаря его полководческому таланту и действиям скифских воинов. В конце рассказа об этом сражении автор дал высокую оценку боспорского царя: после того, как он разбил неприятельское войско, «всем стало ясно, что он по старшинству происхождения и по храбрости был достоин наследовать царскую власть». Но царствовал он всего девять месяцев.

Евмел и Арифарн с уцелевшими воинами укрылись в неприступном замке на реке Фате. Боспорский историк, наверное по собственным наблюдениям, подробно описал местоположение и укрепления этого замка, а также тактику осады, предпринятой Сатиром. Царь распорядился опустошать окрестности замка и не позволять подвозить туда продовольствие и новых защитников; затем он заставил своих воинов три дня вырубать лес, чтобы проложить дорогу к твердыне неприятеля. По этой дороге боспорское войско подошло к замку, откуда ему навстречу двинулись воины Евмела. Начальник наемников

Мениск, «отличавшийся умом и храбростью» пошел в наступление, и когда его отряду пришлось отступать, Сатир бросился на помощь, получил ранение в руку и вечером скончался в своем лагере. Поэтому Мениску пришлось снять осаду и вернуться в Пантикапей, куда он привез останки царя. После пышных похорон Сатира его брат Притан провозгласил себя царем. Он возобновил борьбу с Евмелом, но она окончилась поражением и смертью Притана. Захватив власть, Евмел приказал убить родственников и друзей своих братьев, их жен и детей. Спаслись удалось лишь одному сыну Сатира, нашедшего убежище у скифского царя Агара. Жестокость Евмела вызвала недовольство многих боспорян. Чтобы завоевать благосклонность своих подданных, Евмел восстановил право пантикапейцев не платить пошлины и пообещал им освобождение от податей.

Известно, что для своего огромного произведения Диодор сокращал сведения своих источников, и это явно касается боспорской истории [Струве, 1968, с. 160]. Поэтому он не записал, какими доводами обосновывал Евмел свое право на боспорский трон при двух живых старших братьях. В результате сокращения появились ошибки и неясности при описании крепости сираков у реки Фат и об ее осаде Сатиром. Пример сокращения боспорского источника хорошо виден в рассказе о том, что после гибели Сатира его полководец Мениск отвел войска к городу Гаргаза. Такой топоним нигде больше не упоминается (может быть, это искаженное наименование города Горгиппии), но очевидно, что город находился на азиатской стороне Боспора. Далее сказано, что отсюда Мениск по реке перевез останки царя в Пантикапей к его брату Притану. На деле же по какой-либо реке на Таманском полуострове можно было достигнуть лишь Керченского пролива, а затем через него переправляться в Пантикапей.

Уничтожающая характеристика Евмела контрастирует с кратким последующим описанием его пятилетнего царствования. О нем рассказано в панегирическом тоне, но без тех живых подробностей, которые присутствовали в повествовании о завоевании престола. Здесь за основу взято сочинение другого боспорского историка, описавшего достойные похвалы поступки царя. Глава о правлении Евмела у Диодора напоминает обширные почетные ольвийские декреты, изданные после смерти Протогена и Никерата. В этих документах, написанных хорошо образованными ольвиополитами, перечисляются достойные похвалы поступки упомянутых выдающихся граждан (IOSPE I². 32, 34). Боспорянин также перечислил достижения Евмела: он расширил границы своего государства, оказывал содей-

ствие многим греческим городам на Черном море, выделил землю для поселения тысячи беженцев из Каллатии. Успешная борьба Евмела с пиратами обезопасила мореходство в юго-западном Причерноморье, за что ему были благодарны соотечественники и все, кто плывал на кораблях по Понту Евксинскому. Царь собирался покорить многие причерноморские варварские племена, но внезапная смерть положила конец осуществлению этого плана. Упоминание о намерениях царя показывает, что о Евмеле писал человек из его ближайшего окружения. Возможно, он произнес надгробную речь на похоронах Евмела, а затем частично включил в свой исторический труд. Образец подобной речи с перечислением заслуг покойного государственного и политического деятеля известен сейчас по надписи конца I – начала II вв. н.э., включенной в памятник на пантикапейском некрополе [Сапрыкин 2005, с. 45-81].

Обстоятельства гибели царя в отличие от его благих деяний описаны Диодором достаточно подробно. Евмел спешил из Синдики на какой-то праздник в Пантикапей. Когда лошади понесли его четырехколесную крытую карету, Евмел из-за опасности скатиться в обрыв, попытался выпрыгнуть из повозки, но его меч попал в колесо, поэтому быстро несущийся экипаж потащил тело царя, от чего он сразу погиб. Создается впечатление, что в этом эпизоде отражены наблюдения спутников Евмела, рассказы которых о трагическом событии передавались на Боспоре из уст в уста и были записаны местным историком.

Содержание последней главы, посвященной Диодором Боспору, стоит особняком и предоставляет нам любопытные данные о том, что боспоряне, как и другие древние авторы, включали в свои сочинения оракулы. Напомним упоминание Геродота о неоднократном обращении лидийского царя Креза к Дельфийскому оракулу; последнее предсказание лидийский царь понял неверно, решил, что победит персов, но потерпел сокрушительное поражение и лишился своего царства (Her. I, 91). Боспоряне также рассказывали о неверно понятых предсказаниях оракулов. Так Сатир получил совет остерегаться мыши, поэтому он не разрешал своим подданным носить имена с таким значением, боялся полевых и домашних мышей и приказывал их убивать. Умер же он от раны, нанесенной в мышцу руки (в русском языке слово мышца происходит от слова мышь и является калькой с греческого). Оракул советовал Евмелу опасаться несущегося дома, из-за этого он постоянно проверял прочность крыши и фундамента домов, в которые он входил. Когда же Евмел погиб, выпрыгнув из крытой повозки, которую понесла четверка лошадей, «каждый стал думать, что

предсказание сбылось». Таким образом, по мнению боспорян, обоим царям не удалось избежать predetermined им судьбы. Мысль о невозможности уйти от предназначенной судьбы вообще была характерна для эллинов классического и эллинистического времени, так что она не случайно попала в рассказы о гибели двух боспорских царей.

Итак, по моему мнению, сведения Диодора восходят не к одному панегирическому сочинению о царствовании Евмела, как полагают некоторые исследователи [Яйленко, 1990, с. 298-299]. Ведь деяниям этого царя посвящено гораздо меньше места, чем описанию войн сыновей Перисада I, где Сатиру уделено гораздо больше внимания, чем Евмелу. В основе сведений сицилийского историка лежат несколько разных источников. В одном содержались записанные в местной хронике годы правления боспорских царей; второе сочинение было посвящено краткому царствованию Сатира II с подробным описанием его войны с братом Евмелом, высокой оценкой царя как достойного наследника престола и упоминанием о его пышных похоронах. Третий источник Диодора представлял посмертный панегирик Евмела. Из него заимствован краткий пересказ основных заслуг царя и его грандиозных планов, а также подробное описание его гибели в 304 г. до н.э. Упомянутые оракулы, наверное, находились в двух последних источниках, и Диодор их выделил как пример суеверия боспорян.

Отрывочные сведения о некоторых фактах боспорской истории у других античных авторов таких, как Страбон (VII, 44), Элиан (Var. Hist. VI, 13), Юстин (Epit. Prolog. XXXII), не дают нам никакого представления о характере трудов местных историков.

В исследованиях ученых укрепилось мнение о том, что боспорские цари уже в IV в. до н.э. держали при дворе своих историографов [Гайдукевич 1949, с. 161-162; Струве, 1968, с. 172; Русяева, Супруненко, 2005, с. 135]. Но у нас нет для такого предположения достаточных оснований потому, что это не было характерным явлением для классического и раннеэллинистического времени. Тогда историки писали не по оплачиваемому заказу, а по собственному призванию, заполняя таким образом свой досуг; ведь занятия литературой, философией, естествознанием и другими науками было характерно для античных интеллектуалов, о чем говорили Аристотель (Nic. Et. X, 7) и Ксенофонт (Symp. IV, 44), блестяще подтверждая это своими трудами на разные темы.

Античные историки освещали события с определенных политических позиций, которые придавали их повествованию тенденциозный характер. Яркий пример лаконофиль-

ские взгляды в произведениях Ксенофонта, но это был его собственный выбор, а не заказ спартанских царей. Греческих историков занимали главным образом политические и военные события, движущими силами которых они считали правителей государств, полководцев и вообще выдающихся личностей. Поэтому неслучайно почти все, что известно о содержании сочинений боспорских историков, связано с деятельностью местных царей. О них писали образованные люди из их ближайших соратников; они принадлежали к состоятельному семейству, имевшим возможность дать сыновьям хорошее гуманитарное образование. Оно в частности давало навыки сочинения прозаических произведений и прививало привычку посвящать свой досуг интеллектуальным занятиям. Эти боспоряне восхваляли деяния своих покровителей и резко осуждали их противников, что можно проследить в записях Диодора о Сатире и Евмеле.

В античной литературе имеется свидетельство об одном высокообразованном боспоряnine, способном профессионально написать историческое сочинение. Это сын Сопея (его собственное имя не известно), богатого влиятельного вельможи из ближайшего окружения царя Сатира I. Отец отправил молодого человека в Афины, где тот в начале IV в. до н.э. наряду с коммерческой деятельностью занимался в риторической школе знаменитого оратора Исократ (Isocr. Or. XVII; Dion. Hal. Isocr. 18). Среди его учеников в разное время были прославившиеся в дальнейшем ораторы Исей, Ликург и Гиперид, а также историки Андротийон, Эфор и Феопомп. Вступив в тязбу с богатейшим афинским банкиром Пасионом, Сопеид попросил Исократу написать ему убедительную обвинительную речь. Она сохранилась в рукописях произведений Исократу, благодаря чему теперь известно о торговой деятельности Сопеида, о высоком положении его отца при царском дворе и о письме Сатира в афинский суд в поддержку своего соотечественника [Скржинская, 1998, с. 163-168]. Будучи современником Сатира I и Левкона I, Сопеид мог написать сочинение об их царствовании и о придворных интригах, одну из которых, связанную с клеветой на его отца, он бегло упомянул в своем выступлении в афинском суде.

Сочинения по гуманитарным наукам в древности рассчитывали на их устное чтение. Авторы исторических очерков, вероятно, читали их своим друзьям во время вечерних застолий или на лекциях в гимназиях, а рукописи своих трудов передавали в городские библиотеки. Первые такие библиотеки появились при гимназиях [Блаватская, 1983, с. 308-310]. На Боспоре гимназии существовали не только в столице Пантикапее (КБН. 129), но

и во всех более или менее крупных городах; документально о них и их руководителях гимнасиархах известно в Фанагории, Горгишии и Танаисе (КБН. 983, 991, 1137, 1140, 1263, 1264 и др.). В библиотеке гимнасия гражданин, интересовавшийся прошлым своего государства, мог не только прочесть литературные и научные произведения местных авторов, но и использовать их для своих исторических сочинений, в которых ссылки на предшественников были совсем не обязательны. Так в разное время появлялись обобщающие очерки боспорской истории; ими пользовались авторы сочинений, легших в основу сведений Диодора и Полизна, а на основании другого более позднего труда Помпей Трог в начале I в. н.э. написал очерк об истории Боспора вплоть до воцарения Митридата Евпатора. К сожалению, сейчас известен лишь факт существования такого очерка в составе тридцать седьмой книги всеобщей истории Помпея Трога (Just. Epit. Prolog. XXXII).

Декрет в честь Сирииска (IOSPE I². № 344) свидетельствует о развитии исторической мысли в Херсонесе в первой половине III в. до н.э., а выписки в последней главе трактата Константина Багрянородного [Константин Багрянородный, 1989, с. 246-275] показывают, как херсонесские историки описывали события в римское время. Большая часть того, что мы знаем сейчас о содержании этих произведений, посвящена отношениям с Боспором, в основном войнам и описанию побед херсонеситов. По всей вероятности, боспорские историки совсем иначе трактовали отношения своей родины с Херсонесом, однако от их трудов ничего не сохранилось.

Анализ сведений о сочинениях боспорских историков приводит к выводу, что они пользовались тем же арсеналом источников и художественных средств, которые были выработаны в V в. до н.э. и развиты в более поздних исторических трудах. Местные авторы знакомились с документами и хрониками, которые в Северном Причерноморье, как и в других греческих городах, находились в государственных архивах и в главных храмах. Подобно Геродоту и Фукидиду, они черпали большую часть своих сведений из собственных наблюдений и рассказов очевидцев, а также из исторических новелл, складывавшихся вскоре после изложенных в них событий. Как и многие греческие и римские авторы, местные историки включали в свои труды оракулы и предсказания.

Подводя итог анализа уцелевших античных письменных источников о Боспорском царстве, можно сказать, что сейчас нам известно лишь о содержании некоторых трудов местных историков конца V-IV вв. до н.э. и о наличии обобщающих исторических со-

чинений эллинистического времени. Не ока-
жись выписок из произведений херсонеситов
в приложении к трактату Константина Баг-
рянородного «Об управлении империей», мы
бы ничего не знали о херсонесских историках
римского времени и об их сочинениях, посвя-
щенных отношениям их родины с Боспором.
Есть все основания полагать, что боспорская
историография продолжала существовать и в
первые века нашей эры. Ведь разнообразные
эпиграфические и прочие археологические
находки свидетельствуют, что в культурном
плане Боспор развивался в том же русле, что
и другие греческие государства.

Биккерман Э. Хронология древнего мира. – Мо-
сква, 1975. – 336 с.

Блаватская Т.В. Из истории интеллигенции
эллинистического времени. – Москва, 1983. – 325 с.

Гайдукевич В.Ф. Боспорское царство. – Москва,
Л., 1949. – 623 с.

Карышковский П.О. Ольвийские эпонимы // *ВДИ.* 1978. № 2. – С. 82–88.

Константин Багрянородный. Об управлении
империей. Текст. Перевод. Комментарии. – Мо-
сква, 1989. – 495 с.

Ростовцев М.И. Амага и Тиргатао // *Записки*
Императорского Одесского общества истории и
древностей. – Т. 32. – Одесса, 1915. – С. 40–65.

Ростовцев М.И. Скифия и Боспор. – Петроград,
1925. – 621 с.

Русяева А.С., Супруненко А.Б. Исторические
личности эллино–скифской эпохи. – К., 2003. – 319 с.

Сапрыкин С.Ю. Гераклея Понтийская и Херсо-
нес Таврический. – Москва, 1986. – 248 с.

Сапрыкин С.Ю. Энкомий из Пантикапея и по-
ложение Боспорского царства в конце I – начале
II вв. н.э. // *ВДИ.* – 2005. № 2. – С. 45–81.

Скржинская М.В. Скифия глазами эллинов. –
СПб., 1998. – 295 с.

Струве В.В. Древнейший историк СССР // *Этю-
ды по истории Северного Причерноморья, Кавказа
и Средней Азии.* – Ленинград, 1968. – С. 147–200.

Фролов Э.Д. Факел Прометея. – Ленинград.,
1981. – 160 с.

Шелов-Коведяев Ф.В. История Боспора в VI–
IV вв. до н.э. // *Древнейшие государства на терри-
тории СССР.* – Москва, 1985. – С. 5–187.

Яйленко В.П. Ольвия и Боспор в эллинисти-
ческую эпоху // *Эллинизм. Экономика, политика,
культура.* – Москва, 1990. – С. 249–309.

М.В. Скржинська

РОЗВИТОК ІСТОРИОГРАФІЇ В БОСПОРСЬКОМУ ЦАРСТВІ

У статті на ґрунті вивчення праць Діодора
Сицилійського та Поліена виділені сюжети творів
кількох боспорських істориків. Вони були громадя-
нами із заможних родин, одержали добру гумані-
тарну освіту і присвячували дозвілля написанню
творів з історії своєї країни. Одні з них були сучас-
никами описуваних подій і вели розповідь за влас-
ними враженнями і свідченнями очевидців, інші
писали узагальнюючі праці з політичної та воєнної
історії Боспора.

Ключові слова: Боспор, Діодор Сицилійсь-
кий, історики, політична та воєнна історія.

M. V. Skryjinskaya

THE DEVELOPMENT OF HISTORIOGRAPHY AT BOSPORAN KINGDOM

That are allocated the themes of works of Bospo-
rus historians on the basis of study of the works of
Diodorus the Sicilian and Polyenus at the article.
They were citizens of affluent families which had re-
ceived a good humanitarian education and devoted
their leisure time to writing of essays about the his-
tory of their country. Some of them were contempo-
raries of the events described on and waged a story on
their own experience or testimony of witnesses, the
others were written the summarizing works concern-
ing a political and military history of the Bosphorus.

Keywords: Bosphorus, Diadorus the Sicilian,
historians, political and military history.

Одержано 8.10.2014